

Русской литературе «серебряного века» не повезло с изучением на Родине. Так уж сложилось, что первая научная конференция, посвященная творчеству Вячеслава Иванова, прошла в Италии. Там же состоялись и первые чтения по творчеству А.Белого. Более десятилетия назад общество Андрея Белого возникло в Хьюстоне (Техас), оно выпустило целый ряд малотиражных бюллетеней, посвященных изучению творчества писателя.

И вот в 1992 году музей А.Белого появился в Москве и, что особенно важно, сразу же заявил о себе, став наряду с Институтом мировой литературы имени А.М.Горького РАН, одним из организаторов конференции по изучению творчества Андрея Белого, прошедшей осенью 1993 года в Москве. На чтения приехали крупнейшие литературоведы со всего мира: Н.П.Каупчашвили из Италии, Елена Силард из Будапешта, Ольга Кук и Томас Байд из США, Л.К.Долгополов и А.В.Лавров из Санкт-Петербурга и многие другие.

В последний день конференции состоялся «круглый стол» в музее А.Белого (Арбат, 55), в квартире на третьем этаже, в которой в 1880 году в семье известного математика Николая Васильевича Бугаева родился сын Боренька — будущий Андрей Белый. Здесь же он провел первые 25 лет своей жизни. Символично, что «круглый стол» проходил именно в той гостиной, в которой девять десятилетий назад собирались на «воскресенья» у Бугаевых «аргонавты». Эта гостиная, сравнимая по своему значению в русской культуре со знаменитой «башней» Вячеслава Иванова в Петербурге, помнит А.Блока, К.Бальмонта, В.Брюсова, Ю.Балтрушайтиса, Э.Метнера и других деятелей русской культуры рубежа веков.

Этажом ниже жило семейство Соловьевых. Здесь, у М.С. и О.М.Соловьевых, с сыном которых Сергеем у Белого на долгие годы установились тесные дружеские отношения, произошла встреча молодого писателя с

ВОЗВРАЩЕНИЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

крупнейшим русским философом Вл.С.Соловьевым, а несколько позже — с Брюсовым, Д.Мережковским, З.Гиппиус. Эти две квартиры сплетены не только совместными судьбами их обитателей, но и той огромной ролью, которую они сыграли в жизни России. И если третий этаж передан музею А.Белого, то второй до сих пор занят мидовской столовой (высотное здание министерства находится неподалеку).

Ожидая увеличения площадей, музей не только пополняет свои скудные пока фонды, но и стремится возродить традиции гостеприимной гостиной Бугаевых. Летом здесь прошла конференция, посвященная изучению многогранной деятельности известного критика, издателя и историка русской литературы Р.Иванова-Разумника, которого связывала с Белым обширная двадцатилетняя переписка.

Большой интерес к новому музею проявляют литературные круги русской эмиграции, что позволяет надеяться на пополнение фондов ценными документами и материалами, возвращение которых на родину оживит интерес к наследию А.Белого.

На «круглом столе» состоялась беседа корреспондента «КО» с одним из крупнейших знатоков творчества А.Белого, автором книг «На рубеже веков. О русской литературе конца XIX — начала XX века», «Александр Блок: личность и творчество», «Андрей Белый и его роман «Петербург», доктором филологических наук из Санкт-Петербурга Л.К.Долгополовым:

— Леонид Константинович, А.Белый, безусловно, занимает особое место в истории русской литературы. При этом во времени менялась не только его поэтика, но и само восприятие мира и своего места в нем. Был ли это процесс внутренний или ведущую роль в этом играли внешние обстоятельства?

— Я думаю, что это прежде всего внутренний процесс, процесс внутреннего развития. Дело в том, что А.Белый не относится к числу легко воспринимаемых и легко читаемых писателей. И я даже больше того думаю, что он никогда не станет широко распространенным и широко читаемым автором. Это писатель в некотором роде элитарный. Он рассчитан на людей, обладающих каким-то вполне определенным запасом знаний и по философии, и по эстетике, и по этике, и по теории художест-

венного творчества. Но для человека, который овладел этим комплексом знаний, он может открыть очень многое. И, открывая это многое, он, конечно, никогда не останавливался на чем-то достигнутом. Как всякий человек, как всякий гениально живущий человек, очень по-своему воспринимающий мир, он изменялся вместе с этим миром. Поэтому этот процесс как бы двусторонний. С одной стороны, мир влиял на него, с другой стороны, он изменялся сам, изменяя свои взгляды на этот мир. Между первыми произведениями А.Белого, экспериментальными, но очень продуктивными симфониями, и романом «Петербург» — огромная разница. Но есть и много общего, видно, что это писал один человек.

— Если говорить о духовных учителях А.Белого, то кого, вы считаете, можно назвать в первую очередь?

— Он очень сильно зависел от Ф.М.Достоевского. С Достоевским у него прямая и непосредственная связь, вплоть до реминисценций, особенно в «Петербурге». Очень по-своему он воспринимал А.С.Пушкина, собственно, весь «Петербург» построен на переосмыслении поэмы «Медный всадник». Это свое, своеобразное восприятие и художественная реализация Белым пушкинской поэмы. Кроме того, когда в его творчестве возникла тема России (это период 10-х годов — время создания стихотворного сборника «Пепел» и романа «Серебряный голубь»), на первое место вышел Н.А.Некрасов. Вообще должен сказать, как всякий писатель, как всякий крупный поэт XX века, он, конечно, чувствовал за своей спиной мощную линию русской литературы XIX века и в разные периоды жизни по-разному воспринимал того или иного писателя. Но сказать, что кто-то один на него влиял в течение всей жизни нельзя. Этого никогда и не было.

— Большое влияние на Белого оказало антропософское учение, связанное с западной цивилизацией, с западной культурой. Белый же стремился выразить идею России и восприятие мира русским человеком. Нет ли в этом какого-то противоречия?

— Я не вижу в этом противоречия, потому что антропософское учение, в отличие от теософии, не отрицает личности Христа, а Христос — это главный символ в православном учении. Православие — это русская

традиция. Кроме того, читая воспоминания о Р.Штайнере, я очень четко там вижу именно православно-русские тенденции, но не западноевропейские. Это первое. Второе: Белый был европейски образованным человеком; это вовсе не мешало ему одновременно увлекаться и специфически русским, и тем, что создано на Западе. Более того, он считал, что буржуазный Запад подходит к своему концу и все самое ценное, выработанное западной культурой, по-настоящему переживается в России. Может быть, это и явилось одним из тех стимулов, который толкнул его в объятия Р.Штайнера и антропософии. Он прямо пишет о том, что Гете, светоч Запада, но он сейчас переживается в России более активно и более интенсивно, чем на Западе, которому до Гете никакого дела нет, поскольку все занято погоней за деньгами и чисто жизненным комфортом.

— Вы считаете, что при всей широте взглядов Белого он все-таки находился в русле православной традиции?

— Я думаю, что для него тема России всегда была очень важной и, пожалуй, православной. — Как, по вашему мнению, Белый воспринимал революционные события 1917 года — как отражение надреальной идеи, а не реальных исторических событий, в которых функционируют определенные партии, программы, и т.п.?

— Совершенно верно. Революционные события 1917 года он воспринимал как космический взрыв, который приведет к преобразению всего человечества. Недаром в 1920 году по инициативе А.Белого было устроено заседание вольной философской ассоциации, посвященное 300-летию выхода в свет утопии Т.Компанеллы «Город Солнца». Причем этот «Город Солнца» он прямо связывал с общей идеей развития социализма в европейском освободительном движении.

— По мнению Белого, это преобразование шло из России?

— Да, «Россия — мессия моя», — говорил он. В сборнике «Пепел» он считал, что именно Россия даст миру то новое слово, которое обогатит мир какими-то новыми духовными импульсами и богатствами. И в этом смысле он, конечно, ведет свое начало непосредственно от славянофилов. Белый прямо продолжал их традиции, не счи-

таясь с тем, что наступила уже совсем другая эпоха, и революция 1917 года ничего общего с теорией славянофилов не имела, но он ухитрился связывать одно с другим.

— Революция понималась им в первую очередь как освобождение личности, ведь главной в его системе ценностей была конкретная человеческая личность?

— Именно, не масса, а личность!

— То есть путь каждого человека должен быть индивидуален?

— Да, этим объясняется его последующая трагедия, когда выяснилось, что личность не играет никакой роли, а все дело было передано в руки массы. Белый же как великий художник ставил на первый план развитие индивидуума. Я думаю, что он потому пережил трагедию после революции, что здесь произошло на самом деле смещение: он ожидал от революции одного, а она дала совсем другое.

— А как видел Белый взаимоотношение отдельных человеческих индивидуальностей, человека и общества?

— Для него будущий коллектив, рожденный революцией, должен был состоять из личностей. Это должна была быть не безликая масса, а собрание индивидуальностей. На самом деле этого не было. И с этим я также связываю его трагедию, его метания, его попытки вжиться в новую действительность, которые в общем ничем не увенчались; вжиться в нее ему не удалось.

— Ведущей способностью личности Белый считал слово, сказанное человеком?

— Не только слово, но и действие. Надо учитывать, например, что он преподавал теорию стихосложения в Пролеткульте, т.е. он пытался этих людей научить писать стихи, изменить их, преобразить, вдохнуть в них какую-то часть той культуры, которой он сам владел. И он делал это искренне, не за деньги, не по принуждению. Действительно, его там слушали очень внимательно, он пользовался огромной популярностью среди своих слушателей. Именно потому, что он хотел видеть каждого из них отдельной личностью, индивидуальностью.